

жизни современника в ее наименее исследованном варианте, в ней он совершенно суверенен. Из наиб. последовательно разработанных поэтом следует назвать также темы дружбы, товарищества как категорий не только этических, но и эстетических («мои друзья — хорошие поэты...»). Беспечность и юношеская неразборчивость в дружбе уступают место пониманию сложности этого чувства, ибо каждый человек — это целый мир неразгаданных тайн, связей, надежд и стремлений. Он ценит в дружбе чувство взаимопонимания, хранит верность старым привязанностям. В стих. «**Приглашение друга**» (1976) он вспоминает: «Сколько был широк беспечный круг / У нас вначале!». С годами круг друзей сужался. Но, теряя чью-то дружбу, поэт желал одного: «Но все ж, бывшая дружба, / Не обернись враждой». Обращаясь к своим сверстникам, поэт высказывает заветное: «Пошли вперед — / Длинна ли, коротка ли / Сейчас ложится каждому стезя. / Всех вас хочу увидеть стариками, / Мои сорочкалетние друзья!»

Д. всегда оставался «городским» поэтом, и время отразилось в его лирике через сознание и комплекс переживаний столичного жителя.

В последние годы жизни в творчестве Д. появились «иронические» стихи, остроумнейшие эпиграммы, пародии, шутки. Кое-что из этого рода соч. он опубликовал («**Иронические страницы**» в «Избранном»), однако большую часть еще предстоит собрать и напечатать.

Соч.: Удар по кремню. М., 1967; Давно и недавно. М., 1986; Избранное / вступ. статья Е. Сидорова «По московскому времени». М., 1987.

Лит.: Михайлов Ал. Поэзия города // Октябрь. 1976. № 8; Болдырев Ю. Свет добра // Неделя. 1985. № 4; Пикач А. Время для большого разговора... // Нева. 1986. № 7.

Ал. А. Михайлов

ДОБРОЛЮБОВ Александр Михайлович [27.8(8.9).1876, Варшава — 1945(?), ст. Уджары, Азербайджан] — поэт.

Сын действительного статского советника, неперменного секретаря по крестьянским делам в Царстве Польском. Получил домашнее воспитание. Отличался превосходной памятью, много и увлеченно читал. Знание иностр. яз. позволяло ему знакомиться в подлиннике с западноевропейской лит-рой. В течение 5 лет учился в Варшавской гимназии. Отставка отца в 1891 побудила семью вер-

нуться в Россию. После окончания 6-й Петербургской гимназии опубликовал первую книгу стихов «**Natura naturans. Natura naturata**» («Природа порождающая. Природа порожденная») (1895) и в этом же году был без экзаменов принят на историко-филол. ф-т Петербургского ун-та. Победив искушение декадентства, Д. приходит к решению порвать с «жестоким развратом», изысканными ощущениями и доведенным до отвлеченности «безумием конечного мира». Об этом духовном перевороте Д. в письме к другу рассказывает: «Уже год совершался в глубинах моих новый переворот, и часто плакало сердце. Это время было самое тяжелое для меня» (РО ИРЛИ.— Ф. 77). Идею своего опрощения и жертвенного подвижничества ради преодоления пропасти между «образованным» обществом и людьми труда он реализует в конкретных действиях: оставив ун-т и получив свидетельство о высшем образовании за 3 курса и отпускное удостоверение с правом на выезд, Д. раздает свои вещи, книги и рукописи, отрекается от дворянского звания в паспорте и весной 1898 начинает существование человека, живущего плодами своих рук. Такова была цель его ухода на Север, странствий по Олонецкой и Архангельской губ., пребывания в Соловецком монастыре, где он, будучи «трудником», носил вериги, готовясь принять послушание. Покинув монастырь для осмысления пути и обретения единомышленников в среде людей физического труда, Д. продол-

А. М. Добролюбов

жает скитания. Через некоторое время, найдя сторонников, появляется в Петербурге и в Москве. «Он был в крестьянском платье, сермяге, красной рубахе, в больших сапогах <...> Теперь он стал прост, теперь он умел говорить со всеми <...> И все невольно радостно улыбались на его слова. Даже животные шли к нему доверчиво, ласкались» (Брюсов В. Дневники. 1891–1910. М., 1927. С. 41–42). «Уход» Д. в народ нес в себе религиозно-бунтарский характер, отождествляемый с грядущим социально-справедливым обновлением и коренным духовным преобразованием России. Он писал Н. Я. Брюсовой в 1936: «Для меня всегда революция главным образом духовный переворот» (РО ГБЛ.—Ф. 386). Д. последовательно осуществлял свое бескомпромиссное решение круто изменить всю жизнь не только свою, но и тех, кто соединится с ним. После мн. преследований, ложных обвинений в умственном расстройстве (см.: **Рисунки из сумасшедшего дома (Лит. эссе)** // Северные цветы. 1902. С. 109–112), проживания под надзором полиции, арестов, суда и даже краткого отбывания тюремного заключения Д. к 1906 перебирается к своим единомышленникам, попадает в среду крестьян на Урале, в Сибири, в Пермской, Рязанской, Самарской и Оренбургской губ. Становится авторитетным наставником для многих. Увлеченные возможностью независимого от властей труда, крестьяне объединяются в общины, именуя себя «добрлюбовцами». Сам же Д., являя всем пример праведно-бескорыстной жизни, работает батраком преимущественно у самых бедных и отказывается от оплаты своего труда. Главным с момента «ухода» и опрощения стал для Д. принцип «невидимого делания», основой которого стал ручной труд. Д. ограничивался тем, что крестьяне кормили его, давали ночлег, иногда одежду. Важной частью принятого на себя добровольного протеста против «образованного» общества и людей умственного труда стал для него строжайший самозапрет на писательство, касающийся и писания стихов: «Несмотря на сильнейшее желание, не прикасаюсь к перу...» (письмо Д. к брату Г. М. Добролюбову (июль 1912), хранящееся в личном архиве Г. Е. Святловского). Период «невидимого делания», т. е. непрерывного ручного труда, охватывает примерно 1898–1944. Странствуя по России пешком, Д. то останавливался подолгу, то уходил и менял пристанище. Однако в действительности это не было бродяжничеством и скитанием нищего: Д. сам на себе выверял реальные возможности создания в России не-

зависимой общины земледельцев-крестьян — «свободных христиан». Он прошел со своей проповедью по Крайнему Северу и Зауралю, по средней полосе России (Рыбинск, Бологое, Самара), по некоторым районам Азербайджана и Армении, изредка посещая Москву и Петербург.

Основу религиозно-философского учения Д. составляют заветы, отчасти повторяющие по форме Нагорную проповедь Иисуса Христа, но вполне оригинальные. Они включены в третий сб. **«Из книги невидимой»**. Фактическими сост. и издателями этой книги явились в отсутствие автора жена В. Я. Брюсова Иоанна и его сестра Надежда (единомышленницы Д.; последняя в 1930-е — корреспондент и адресат лирики Д.), которым Д. оставил все рукописи в полное распоряжение.

Сб. «Из книги невидимой» содержит духовные притчи, откровения, покаяния, стихи и письма Д., его обращения в ред. ж. «Весы», к известным писателям и знакомым, а также отречение от прежних заблуждений с осуждением «бывших единомышленников».

«Уход» Д. в «невидимое делание» не был сектантством; ошибочно утверждать и то, что будто бы Д. пришел к атеизму. Познав свободную волю своего «я» и признав «Бога как добро», веры (как он сам писал) Д. «не откинул», но стал видеть мир иначе. Д., как и др. харизматическим людям России, выпало пережить редчайшее озарение «светом своей личности», который был не чем иным, как продолжением света Творца (письмо Д. от 24 авг. 1940 к единоверцам // Прометей. М., 1980. Вып. 12. С. 312).

Свежему осмыслению жизненного пути, творчества и философских исканий Д. как поэта и действительного склада мыслителя способствует новонайденная (с авторской правкой) копия его трактата **«Мирозерцание»** (РО Музея Л. Н. Толстого), переписанная одним из его последователей среди интеллигенции (Н. Я. Брюсова, А. Колесниченко, Л. Д. Семенов-Тянь-Шанский, Н. Г. Суткова, И. П. Яркков и др.). Д. то страстно утверждал, то осторожно советовал, то горько сетовал: «Человеку нужно только очиститься, и тогда для него будут возможны и откровение, и непосредственное общение с духовным, невидимым миром, и чудеса <...> как смерть — так тяжела мне ваша жизнь. Только телом и разумом занимаетесь все вы, а духа не знаете. Даже своего духа не знаете вы, а Дух Божий сокровенен от вас» (Из книги невидимой. С. 85–88). Романтический максимализм Д., его «ум, крайний в своем отрицании всего эм-

пирического» (Вл. Гиппиус), вели его через декадентско-анархический бунт и через ряд духовных кризисов к формированию цельного философско-религиозного мирозерцания, к осмыслению христианства и его православно-жизнестроительной основы. Д. шел по этому пути с присущей ему, как отмечали современники, волей всегда и во всем идти «до конца», не только проводить в жизнь, но и проверять на себе все крайности декадентства (индивидуализм с искусами эмансипации и эстетизма, с «ядами» небытия, с проповедями идей самоубийства или самообожествления и т. п.). А. Белый писал: «...путь Александра Добролюбова: уже девять лет вместе с Власом идет он к „светлому граду новой жизни“. Этот одинокий образ русского символиста, поборовшего нашу трагедию, не может не волновать нас: мы тоже пойдем, мы не можем топтаться на месте: но... куда пойдем мы, куда?» (Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 352).

«Самозапрет» на творчество позднее был самим Д. преодолен; в конце 1930 он вернулся к поэзии. В ранний период Д., хорошо знавший в подлинниках французских символистов, стремился к проникновению в область сверхчувственного, фактически он может быть назван одним из родоначальников русского символизма. Характеризуя поэзию Д. до его «ухода», поэт И. Коневский, автор вступ. статьи «К исследованию личности А. Добролюбова» во втором его сб. **«Стихотворения»** (1900), пишет об «особом творчестве», «составленном из отражения и теней». Сам Д. называет свое видение мира «моментализмом». Д. имел в виду мгновенность Божественного «озарения свыше разума», которое в значительной мере интуитивно, не подвластно поэту, его интеллекту. Первые две поэтические книги Д. не только были встречены непониманием, но и вызвали нападку критики за попытку поэта соединить поэтическое слово с музыкой, за его идею синтеза искусств. В то же время общественное признание получили такие стихи, как **«Встал ли я ночью...»**, **«Дочери народа»**, **«Открою уста в гаданыи»**, **«Каждый звук церковного звона»**, **«Жалоба березки в Троицын день»**. Важным свидетельством творческой активности Д. является создание им ряда гимнов и псалмов, молитвенных стихов, исполняемых в те годы и до нашего времени в христианских общинах «добролюбовцев».

Поэтическая значимость поэзии Д. для широкого круга читателей подтверждена сегодня включением его стихов во все выхо-

дящие книги о видных поэтах Серебряного века. Судя по сохранившимся рукописям, Д. в 1930-е не только не утратил поэтического дара, но и значительно обогатил его. Написанные в этот период стихи являются едва ли не лучшими из всего того, что было им создано за долгую и трудную жизнь. Обращает на себя внимание стих. **«Ответ палестинской пальме Лермонтова»**: «Я пальма пустынь аравийских, / Сожженная днѣ огнем / И ветром палящим сирийским,— / Мысль же всегда об одном: / Пусть пыль дорог жадно покрыла даже коренья, / Пусть зачихла в беспощадных пустынях даже листва, / Пусть мчатся звенья, за звеньями — звенья / Лестнице звеньев не будет конца» (Заветы для всех. СПб., 1995. С. 66–70). Особенно тяжело жилось Д. после 1937, когда за «бесписьменность» (т. е. отсутствие документов) участились его аресты и какое-то время Д. находился в колонии НКВД, в г. Закатала Азербайджанской ССР. Там была написана одноактная драма **«Пир в университетском городке Мадрида»** (РО ГБЛ. Ф. 386) — своеобразный гимн вечной Женственности. Постановка драмы была осуществлена в 1993 в Петербурге юношеским театральным коллективом (реж. Н. А. Михайлова).

О последних годах Д. письменных свидетельств пока не обнаружено.

Современникам Д. был известен как поэт-символист Серебряного века, рано умолкнувший. Сегодня есть все основания говорить о нем и как о крупном философе действенно-религиозного склада. Это уловил еще Л. Н. Толстой, с которым Д. встретился трижды. 20 июля 1907 Толстой записал в своем дневнике: «Нельзя проповедовать учение, живя противно этому учению, как живу я. Единственное доказательство того, что учение это дает благо, это — то, чтобы жить по нем, как живет Добролюбов».

Д. старался в меру своих сил помогать преодолению многовекового разрыва между наукой и религией, чтобы способствовать укреплению «разумной веры и верующего разума» (Станкевич Л. Г., Харченко Л. Н. Материалы VIII Международного конгресса психологов «Взаимодействие науки, философии и богословия в формировании духовно-экономического мышления». СПб., 1995. С. 85). Д. стремился к «изучению чего-то необъяснимого, тщательному изучению всех, даже самых враждебных понятий и течений» (письмо к Н. Я. Брюсовой // РО ГБЛ. Ф. 386). Он внес свой ценный вклад в понимание философии религии, что нашло выражение в его худож. творчестве. А. Закржевский в книге «Ре-

лигия. Психологические параллели» (1913) писал: «Слишком уж отвыкли мы от истинных боговидцев, от чудес, от подвижников, от святых — не хочется верить, что они еще среди нас... Но среди современных религиозных творцов личность Александра Добролюбова — единственная живая, яркая, необычная личность, и в ней загадка России, и в ней — ее святыня». Д. посвящали стихи Ал. Блок, В. Брюсов, Н. Клюев («Александр Добролюбов — пречистая свеченька»), Арс. Тарковский («Поэт начала века») и др.

Соч.: *Natura naturans. Natura naturata* = Природа порождающая. Природа порожденная. СПб., 1895; Собр. стих. / сост. В. Брюсов; вступ. статья И. Коневского. М., 1900; Из Книги невидимой / сост. Н. Я. Брюсова и И. М. Брюсова в отсутствие автора. М., 1905; Мои вечные спутники. М., 1906 (?); Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX — начала XX в. Л., 1991. С. 111–115; Русская поэзия Серебряного века. 1890–1917. Антология. М., 1993. С. 151–155.

Лит.: Поляков Н. Поэты наших дней. М., 1907; Мережковский Д. С. Не мир, но меч. М., 1908. С. 101–106; Чулков Г. А. Покрывало Изиды: Критич. очерки. М., 1909. С. 91–98; Крайний А. [Гиппиус З. Н.] Критика любви: Лит. дневник. СПб., 1908. С. 45–63; Гиппиус В. Александр Добролюбов: Русская лит-ра XX в. 1890–1910. М., 1914. Т. 1. С. 272–288; Азадовский К. М. Путь Александра Добролюбова // Блоковский сб. Вып. 3. Тарту, 1979. С. 121–146; Кишилова А. Путь и творчество Александра Добролюбова: [дис.]. Париж, 1979; Гроссман Дж. Александр Добролюбов / вступ. статья и комм. к ротапринтному изд. сб. Д. «Природа порождающая. Природа порожденная» (СПб., 1895) и кн. Д. «Собрание стихотворений» (М., 1900). Беркли, 1981; Гроссман Дж. Александр Добролюбов / вступ. статья и комм. к ротапринтному изд. кн. Д. «Из книги невидимой» (М., 1905). Беркли, 1983; Крейд В. Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993; Оцуп Н. Океан времени. М., 1993. С. 475, 606; Святловский Г. Е. Биографические сведения о А. М. Добролюбова и др. материалы // Заветы для всех. СПб., 1995; Тарковский Арс. Поэт начала века (1959) // Поэзия Серебряного века / сост. М. Кралин. СПб., 1996.

Г. Е. Святловский, А. П. Терентьев-Катанский

ДОБРЫНИН Андрей Владимирович [17.7. 1957, Москва] — поэт, прозаик.

Сын профессора земледелия. По окончании в 1974 9-й спецшколы Москвы с углубленным преподаванием английского яз. поступил на экономический ф-т МСХА им. К. А. Тимирязева, по окончании которого в 1979 был оставлен в аспирантуре при кафедре политической экономики. С 1983 по 1991 — преподаватель МСХА; канд. экономических наук («Дифференциальная рента

А. В. Добрынин

и социально-экономическое развитие сельскохозяйственных предприятий», 1985). Первые стихотворные опыты Д. датированы 1965; с 13 лет Д. писал стихи, прозу, пьесы, которые публиковал в самодеятельной школьной печати. В 1988 совместно с В. Ю. Степанцовым и В. И. Пеленягрэ основал Орден куртуазных маньеристов (ОКМ); Великий Приор. В составе ОКМ с 1989 Д. активно печатается в прессе, выступает на поэтических вечерах, участвует в телепередачах. Участник всех поэтических сб. ОКМ — «Волшебный яд любви» (1990), «Любимый шут принцессы Грёзы» (1992), «Пленники Афродиты» (1992; тираж уничтожен), «Езда на остров Любви» (1993), «Красная книга Маркизы» (1995), «Триумф непостоянства» (1997), «Отстойник вечности» (1998; проза), «Клиенты Афродиты» (1998), «Услады киборгов» (1999), «Песни сложных устроств» (2002).

В отличие от своих собратьев по Ордену, Д. наиболее привлекает изображение советской действительности последнего 20-летия, любовно выписываемой им в деталях. Лирический герой Д. — будь то буйный хам или покоящийся трудолюбец — с печалью взирает на растленное «перестройкой» поколение. Традиционные иерархические ценности в лирике Д. смещены: в божье он склонен различать мятущуюся человеческую душу, зато в российских политических деятелях